

НЕДѢЛЯ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

(Окончаніе).

II.

Особенности Константинополя и жизни его обитателей.— главные части города,— мечети, ихъ архитектурная монотонность,— дворцы пословъ, — ненадежное устройство Константинопольскихъ домовъ, — улицы, — путь въ „обходъ улицы“,— безбрежность Восфора и Золотого Рога,— ни бульвара,— ни скамейки,— конно-железная дорога не въ примѣръ другимъ.— Безештанъ—главное торговое мѣсто, — странное смѣшеніе,— улица взаимъ магазина,— уличное галдѣніе,— прилачная къ ней своеобразная музыка,— уличные чистильщики сапоговъ,— клеветы на нихъ.—Отсутствіе русскихъ магазиновъ;—какъ исключеніе,—русскіе магазины съ „продажей русскаго вина“.—Одна „фабрика“ и о томъ, какъ я попалъ въ нее.—Нѣсколько наблюденій изъ области жизни и обычаевъ турокъ:—солдаты,—полицейская стража,—пляски дервишей,—описаніе этого зрѣлища,—турецкій антропологическій музей,—турецкій покойникъ,—турецкія похороны.—Сравнительная оцѣнка правовъ Стамбула, Галаты съ Нерой.—Двѣ противоположности: нищія,—въ какомъ смыслѣ они составляютъ лучшее украшеніе Константинополя?—уличные собаки—крайній предѣлъ Константинопольскихъ безобразій,—ихъ жизнь и нравы.

Особенности Константинополя, какъ оригинальнаго восточно-европейскаго города, много разъ описаны были болѣе искуснымъ перомъ, чѣмъ наше, и болѣе свѣдущими людьми. Чѣмъ мы, тѣмъ не менѣе не считаемъ лишнимъ подѣлиться съ читателями нѣкоторыми нашими впечатлѣніями касательно этихъ особенностей. Думаемъ, что найдется въ этихъ впечатлѣніяхъ что-либо стоящее вниманія.

Константинополь состоитъ изъ трехъ главныхъ частей: Стамбула, Галаты и Неры. Что еще принадлежитъ къ городу,—точно не знаю. Стамбуль часть города турецкая съ небольшою примѣсою грековъ и армянъ (Фанарь). Здѣсь на-

ходятся все болѣе важныя турецкія учрежденія: Диванъ (государственный совѣтъ), монетный дворъ, арсеналь, турецкій музей (который по своимъ примитивнымъ порядкамъ самъ годился бы для какого-нибудь музея), Безештанъ (богатые константинопольскіе торговые ряды), Айя-Софія и т. д. Въ Галатѣ живетъ смѣшанное населеніе: частью турки, частью греки. А въ Перѣ, возвышенной части города, господствующей надъ Галатой, европеицы съ примѣсью грековъ и съ небольшимъ количествомъ туруковъ, по роду профессіи живущихъ тамъ, гдѣ прикажутъ.

Красивыхъ зданій въ Константинополѣ очень немного. Лучше всего мечети, по крайней мѣрѣ въ перспективѣ. Но онѣ скоро прискучиваютъ своимъ видомъ. По моему мнѣнію, все лучшія мечети построены по образцу св. Софіи (въ ея первоначальномъ видѣ) и потому не только не блещутъ разнообразіемъ, а напротивъ, почти все кажутся очень монотонными (о дворцахъ султана уже была рѣчь). Дворцы нѣкоторыхъ иностранныхъ пословъ, находящіеся въ Перѣ, тоже выдѣляются красотой архитектуры, напр., величественный дворецъ англійскаго посла, но дворецъ русскаго посла не производитъ эффекта. Нѣкоторые изъ казармъ въ Перѣ (напр. кавалерійскія) такъ красивы, что я принималъ ихъ за дворцы. Большинство домовъ въ Константинополѣ очень узки, но за то въ нѣсколько этажей. Разумѣется, въ этомъ нѣтъ никакой красоты; да и едва ли самые дома особенно удобны для жилья. Мало того: если подобной конструкціи домъ построенъ изъ дерева или представляетъ смѣшанную постройку изъ дерева и камня, то онъ не безопасенъ не только въ случаѣ пожара, но и бури. Такой домъ, если онъ стоитъ въ одиночку, не прилегая къ другимъ зданіямъ, при сильномъ вѣтрѣ грозитъ разрушеніемъ. Одно лице (изъ русскіхъ), имѣющее несчастье, по обязанностямъ службы, проживать въ такомъ домѣ, серьезно увѣряло меня, что домъ, гдѣ оно живетъ, во время бури замѣтно покачивается и обитающіе здѣсь ждутъ возможной катастрофы.—Улицы не только грязны, кривы, зловонны, но и узки и притомъ обрамлены шестиэтажными и семиэтажными зданіями, такъ что кажутся какими-то корридорами. Исключеніе представляютъ нѣсколько улицъ въ Перѣ и Стамбулѣ, сохранившихся въ этомъ послѣднемъ

мѣстѣ еще отъ Византійскаго владычества. Поперечныя улицы, идущія изъ Галаты въ Перу, въ гору, чистое наказаніе. Онѣ представляютъ собою рядъ головоломныхъ террасъ съ уступами разной величины. Въ иныхъ случаяхъ приняты, конечно по инициативѣ евронейцевъ, серьезныя мѣры для того, чтобы идущій съ Перы въ Галату или обратно могъ *миновать* улицы. Съ этой цѣлью устроены тоннели въ грунтѣ земли, снабженные паровозами, перевозящими пассажировъ съ Перы въ Галату и обратно. Хороши же значить улицы, если приходится миновать ихъ: для безопасности и удобства нужно спуститься подъ землю, чтобы объѣхать улицу. Во всякомъ приморскомъ городѣ лучшимъ мѣстомъ для прогулокъ считается берегъ. Но приморскій городъ Константинополь лишенъ береговъ. Берега Восточнаго Золотого Рога застроены такъ, что доступъ къ тому и другому пресѣченъ (за исключеніемъ небольшихъ пролетовъ, соединяющихъ сушу съ водной стихіей). Для того, чтобы сдѣлать доступными Восточный и Золотой Рогъ, какая-то компанія хочетъ построить искусственную насыпь взамѣнъ утраченныхъ береговъ. Хорошъ же приморскій городъ, гдѣ доступа къ морю нѣтъ и гдѣ взамѣнъ естественнаго берега требуется устроить искусственный? Но устроить ли этотъ послѣдній и когда, — остается неизвѣстнымъ. Во всемъ Константинополѣ нѣтъ ни одного сквера, ни общественаго сада, ни бульваровъ. Если хотите подышать среди зелени, ступайте въ частный, кѣмъ-либо арендуемый садъ — и платите деньги за входъ. Во всемъ Константинополѣ нѣтъ ни одной скамейки, гдѣ бы можно было отдохнуть усталому путнику. Если хотите отдохнуть, идите въ ресторанъ, спросите себѣ кофе и получите при этомъ стулъ. Прекрасныя роши позади св. Софіи, близъ моря, остаются въ забросѣ: ни дорожекъ, ни скамеекъ; я видѣлъ, какъ здѣсь разгуливаютъ стрепоженныя лошади. Здѣсь и ресторана нѣтъ. Сиди на чемъ хочешь и какъ хочешь. Большинство публики не пользуется экипажами: въ нихъ не удобно разѣзжаться по головоломнымъ улицамъ; да и извончыи экипажи дороги. Публика предпочитаетъ пѣшее хожденіе вездѣ на конѣ. Правда, по нѣкоторымъ болѣе широкимъ улицамъ, проведена конно-железная дорога и ею многіе пользуются. Но на взглядъ, непривыкшій къ Константинопольскимъ по-

рядкамъ, эта конка кажется безобразіемъ. Окна вагоновъ безъ стеколъ, но съ желѣзными рѣшетками (?); впереди вагона бѣжитъ скороходъ и что то громко кричить, вѣроятно предостерегая толпу, причѣмъ въ его рукахъ обрѣтается скалка, которая и гуляетъ по плечамъ встрѣчныхъ зѣвакъ. Я видѣлъ, какъ однажды ударъ пришелся на долю моего кур-Димитрія. При этомъ я спросилъ его: „что больно?“ Но отвѣта не послѣдовало. Изъ этого заключаю, что скалка не шутитъ.

Какъ всѣ города восточные, Константинополь до страсти любитъ торговлю. Главный торговый пунктъ—это такъ называемый Безештанъ въ Стамбулѣ, знаменитые Константинопольскіе ряды. Изъ любопытства я былъ тамъ, но не остался доволенъ видѣннымъ. Ряды устроены прихотливыми уступами, на которыхъ легко свихнуть ноги. Товары не раздѣлены по ихъ разрядамъ, а чередуются въ хаотическомъ безпорядкѣ. Торговцы, случается, не сидятъ и не стоятъ, а благодушно лежатъ на заставкахъ, протянувшись во всю длину росга, безъ верхняго платья—въ однихъ рубашкахъ и брюкахъ. „Иды суда каснадынъ“, приглашалъ меня подобный армянинъ купить что-то, но я ничего не покупалъ, потому что не имѣлъ въ виду дѣлать покупки. Вообще не рѣдко случалось, что по какимъ-то примѣтамъ узнавали во мнѣ русскаго,—и я слышалъ привѣтливые возгласы: „русь“, „русскій“. Безештанъ мнѣ скоро надоѣлъ и я съ удовольствіемъ ушелъ отсюда. Хаотическій безпорядокъ, выражающійся въ причудливомъ чередованіи одного рода торговли съ другимъ, свойственъ и Перѣ. И здѣсь можно видѣть рядомъ: ювелирный магазинъ и грязную мясную лавку. Торгуютъ вездѣ—на улицахъ, на перекресткахъ и даже среди улицъ. Я видѣлъ какъ продавецъ стеклянной посуды, ни мало не стѣняясь, разложилъ свой товаръ среди улицы (конечно, не самой бойкой), а самъ легъ рядомъ. Нужна большая осторожность, чтобы не раздавить ногами разложенные гдѣ ни попало товары. Всѣ торгующіе неистово кричать, галдятъ, выкрикивая свой товаръ. Но иные торгаши орутъ только что-то въ родѣ: „бешъ-парà“ или „ерми-парà“, т. е. указывалась прямо стоимость товара, безъ обозначенія самаго товара. Очевидно, торгашъ заманивалъ покупателей дешевизной. Въ

добавокъ, къ этимъ крикамъ присоединяется особенный своеобразный звонъ изъ лавочекъ съ пипучими водами. Такихъ лавочекъ очень много по всеѣмъ улицамъ. У продавцевъ шипучихъ водъ въ теченіе цѣлаго дня (отъ 6 часовъ утра до 9 вечера) звонитъ механическимъ способомъ машина, издающая пронзительный звукъ, весьма похожій на звукъ будильника. Зачѣмъ это дѣлается,—не знаю, но таковъ обычай. На улицѣ стоитъ стонъ-стономъ цѣлый день. Идя по улицѣ не только можно купить все, что вамъ угодно, но и исправить вашъ туалетъ. По всеѣмъ бойкимъ путямъ, на узкихъ тротуарахъ сидятъ по-турецки, и прижавшись къ стѣнамъ зданій, прилично одѣтые, подобно всеѣмъ мелкимъ торговцамъ, особыя человѣческія существа, профессія которыхъ состоитъ въ чищеніи сапоговъ и брюкъ, пылящихся среди уличной неряшливости. Эти чистильщики сапоговъ (греки, турки и славяне) имѣютъ подлѣ себя небольшіе ящики, обитые сверху мѣдью, служащіе и вмѣстилищемъ ихъ инструментовъ и подставкою для ноги кліента во время совершенія операціи. Несправедливо пѣ-которые утверждаютъ, что будто это народъ назойливый, позволяющій себя хватать за ноги проходящихъ, въ видѣ приглашенія къ операціи ¹⁾. Чистильщики сидятъ смиренно, громко постукивая щеткой о мѣдь ящика и такимъ образомъ напоминаютъ о своемъ существованіи и о готовности къ услугамъ. Операція стоитъ 10 парâ (2 к.). Я узналъ, что большинство чистильщиковъ глухонѣмые, т. е. значитъ, эти несчастные нашли себѣ приличное занятіе, обезпечивающее ихъ жизнь, но не требующее употребленія языка, который у нихъ не дѣйствуетъ, какъ должно. Въ Галатѣ, людной части города, сапожныхъ чистильщиковъ очень много. Я всегда пользовался ихъ услугами.

Въ Константинополѣ много всякихъ магазиновъ, греческихъ, французскихъ, англійскихъ, итальянскихъ, армянскихъ (мало: нѣмецкихъ); конечно, есть и турецкіе—въ Стамбулѣ. Но къ сожалѣнію, нѣтъ магазиновъ русскихъ. Правда, есть одинъ или два русскихъ магазина, расположенныхъ возлѣ Пантелеймоновскаго и другихъ монастыр-

1) Такъ утверждается въ одной корреспонденціи, напечатанной въ Моск. Вѣд. въ какомъ-то осеннемъ № 1891 года.

сихъ подворій. Но ихъ въ счетъ нельзя принимать: во-первыхъ потому, что ихъ содержать не русскіе, а только знающіе русскій языкъ; во-вторыхъ, у нихъ особая специальность, о которой краснорѣчиво свидѣтельствуетъ вывѣска, гласящая: „русскій магазинъ съ продажей русскаго вина“ (т. е. водки) (эти слова изображены на нашемъ отечественномъ языкѣ). Печально, что эти русскіе магазины „съ продажей русскаго вина“ помѣщаются возлѣ подворій, гдѣ находятъ пристанище русскіе богомольцы. Очевидно, эти quasi-русскіе магазины существуютъ для соблазна простодушныхъ русскихъ людей. Нѣтъ сомнѣнія, ихъ дѣла идутъ недурно: иначе на нихъ не красовалась бы заманчивая вывѣска. Я не былъ въ этихъ русскихъ магазинахъ, потому что не чувствовалъ никакой потребности въ „русскомъ винѣ“ въ такомъ климатѣ (да еще въ іюлѣ), какъ климатъ Константинопольскій. Водка, по моему мнѣнію, совсѣмъ не нужна въ Константинополѣ, гдѣ такъ дешево прекрасное виноградное вино. Это вино я покупалъ и пилъ: оно едва-ли хмѣльнѣе обыкновеннаго русскаго пива, но много вкуснѣе. Разъ я возвращался съ прогулки и, приближаясь къ Пантелеймоновскому подворью, говорю моему обычному спутнику кур-Димитрію: „куните мнѣ какого-нибудь винограднаго вина бутылку“. — „Да пойдете на фабрику, тамъ и купимъ“. — „На фабрику вы говорите?“ — „Да“, получилъ я въ отвѣтъ. Я заинтересовался, что такое за винная фабрика въ Константинополѣ, тѣмъ болѣе, что я никакихъ винныхъ фабрикъ не знаю. „Далеко, говорю, это?“ — „Нѣтъ, да вотъ за угломъ“. Пошли, и я не раскаиваюсь, что пошелъ. Я получилъ возможность познакомиться съ новой особенностью Константинополя. Черезъ двѣ минуты мы пришли къ мѣсту назначенія, вступили въ Константинопольскій -- скажу прямо безъ церемоній -- кабакъ, содержимый грекомъ. Это была большая комната съ обыкновеннымъ магазиннымъ входомъ съ улицы. Тамъ и здѣсь въ пей разставлены мраморные столики. По сторонамъ разставлены внушительныхъ размѣровъ бочки. Димитрій заявилъ, что намъ нужно. И вотъ передо мной появилось нѣсколько стаканчиковъ, до половины наполненныхъ разныхъ сортовъ винами. — „Что это?“, говорю проводнику. — „Попробуйте, какое вино понравится, такое и

возьмете“. Исполняю приказаніе и выбираю опредѣленный сортъ вина, пришедшійся мнѣ по вкусу. Узнаю, что выбранный мною сортъ стоитъ на наши деньги 35 к. за око (три фунта). Смотрю, что будетъ дальше. Налили вина въ посудину и стали его вѣшать; отвѣсили. Оказалось, что нужно было имѣть собственную посудину для того, чтобы взять покупку домой. Этотъ вопросъ уладилъ кур-Димитрій, поручившійся за цѣлость фабричной посуды. Око вина составляетъ около двухъ нашихъ бутылокъ. Итакъ, за 20 к. я приобрѣталъ бутылку прекраснаго винограднаго вина. Разумѣется, я рассказалъ объ этой покупке потому, что нахожу ее очень оригинальною. Въ Константинополь, очевидно, вино продается такъ же, какъ у насъ молоко на базарѣ: пробуютъ его, а купивши, выливаютъ въ свою посудину. Фабрика эта расположена очень близко къ монастырскимъ подворьямъ. Думаю, что это не случайность, тѣмъ болѣе, что фабрикантъ (цѣловальникъ) говорилъ хорошо на нашемъ отечественномъ діалектѣ.

Изъ области чисто турецкихъ нравовъ, обычаевъ и явленій я успѣлъ познакомиться лишь съ очень немногими. Я видѣлъ турецкихъ солдатъ, марширующихъ по улицамъ, причемъ они встрѣчаясь съ офицеромъ или генераломъ дѣлали „ружье на плечо“ и что-то громко выкрикивали (должно быть: „здравія желаемъ“). Въ опредѣленныхъ мѣстахъ на значительномъ разстояніи одинъ отъ другаго, стоятъ полицейскіе стражи, повидимому, простые турецкіе солдаты. Я не видѣлъ, чтобъ они хоть въ чемъ-нибудь проявляли исполненіе возложенныхъ на нихъ обязанностей: они апатично стояли подъ навѣсомъ своихъ будочекъ, проходящихъ на курятники, а въ глухихъ кварталахъ просто сидѣли, ничего не дѣлая. Для развлеченія многіе изъ нихъ грызутъ какія-то сѣмечки, или же усердно чешутся, не разбирая направленія, куда тянется рука. Къ моему удивленію всѣ полицейскіе солдаты оказались въ крѣпкихъ сапогахъ и даже не старыхъ мундирахъ. Я такъ много слышалъ о босоногости этихъ стражей общественнаго благосостоянія, что, видя ихъ обутыми, думалъ, что сказанія о босоножии просто клевета. Обратился за разрѣшеніемъ недоумѣнія къ кур-Димитрію и узналъ, что крѣпкіе сапоги полицейскихъ солдатъ суть остатки той роскоши, которая допущена была

въ виду посѣщенія Константинополя германскимъ императоромъ. По этому случаю турецкая казна просто раззорилась, потративъ 200,000 турецкихъ лиръ (800,000 р.) на окраску дворцовъ и покунку обуви для полицейскаго персонала. Ларчикъ просто открывался.—Изъ числа чисто турецкихъ религіозныхъ упражненій мнѣ пришлось видѣть только пляски дервишей. Дервиши имѣютъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько „Текке“ (монастырей), въ которыхъ они не живутъ, но въ которыхъ собираются для плясокъ или верченій. Я посѣтилъ Текке, находящеся въ Перѣ, съ прекраснымъ видомъ на Восфоръ. Предъ Текке расположенъ большой дворъ, чисто содержимый и зеленѣющій отъ большого количества деревьевъ. Самое Текке состоитъ изъ небольшого дома, не отличающагося архитектурными особенностями. Внутри дома, въ срединѣ его сдѣлано круглое углубленіе въ родѣ того, какое мы встрѣчаемъ въ циркахъ, но меньшаго размѣра; полъ этого круга паркетный—дощечный. Церемонія началось чтеніемъ молитвъ, совершаемымъ имамомъ въ то время, когда еще не все члены братства собрались для церемоніи. Каждый изъ приходившихъ братьевъ дѣлалъ земной поклонъ имаму и садился по-турецки возлѣ стѣнки, раздѣляющей кругъ отъ остальнаго пространства. По сторонамъ круга въ двухъ этажахъ расположились зрители въ тожахъ—въ числѣ зрителей довольно было турецкаго военнаго юношества, а также Европейскихъ дамъ. По прочтеніи молитвъ, имамъ всталъ съ мѣста: онъ раньше этого сидѣлъ. Встали и члены братства. Заиграла музыка гдѣ-то наверху. Сначала она имѣла медленный темпъ, а затѣмъ въ теченіе церемоніи все болѣе и болѣе приобрѣтала быстроты и силы. Вставъ съ своихъ мѣсть, дервиши стали проходить попарно предъ имамомъ, дѣлая ему на особый манеръ поклонъ: актъ походилъ на какой-то церемонный танецъ. Тотъ же актъ чрезъ нѣсколько времени снова повторился. Потомъ началось верченіе дервишей. Оно раздѣлялось на нѣсколько актовъ. Когда они сняли съ себя платье, оказалось, что они одѣты во что-то въ родѣ юбокъ. При верченіи эти юбки раздувались, какъ само собою понятно. Лицо ихъ въ этомъ случаѣ носило слѣды какого то экстаза; руки держались приподнятыми къверху. Во время верченія ни одинъ дервишъ не задѣлъ другаго, хотя они

и перемѣщались съ мѣста на мѣсто. Я замѣтилъ, что нѣкоторые изъ нихъ чувствовали головокруженіе, выходили изъ ряда прочихъ, становились возлѣ стѣнки круга; оправившись, они снова начинали кружиться. Церемонія продолжалась минутъ 30 и не представляла интереса.—Когда я однажды проходилъ по обширѣйшей стамбульской площади: Ат-Майданъ (бывшій Византійскій ипподромъ), то Квр-Димитрій предложилъ мнѣ посмотреть такъ называемый дворецъ янычаръ. Я полагалъ, что найду здѣсь что-либо напоминавшее объ этихъ когда-то знаменитыхъ войнахъ, уничтоженныхъ потомъ самимъ оттоманскимъ правительствомъ, путемъ кровопролитія. Но оказалось, что лучшая часть дворца занята турецкимъ антропологическимъ музеемъ. Здѣсь находились малекены, представляющіе различныя профессіи Турокъ—прежняго и болѣе новаго времени. Мнѣ скоро наскучило смотрѣть на этихъ болвановъ. Но зато изъ одного окна открывался здѣсь прелестный видъ на Мраморное море, и вдали виднѣлось знаменитое Сапъ-Стефанѵ. Направляясь къ этому дворцу, я замѣтилъ на площади подъ деревомъ какой-то странный большіхъ размѣровъ кулъ или свертокъ. Квр-Димитрій сказалъ мнѣ, что это трупъ Турка только что умершаго, и что умершихъ Турокъ вообще принято выносить изъ комнаты и помѣщать на открытомъ воздухѣ. Возлѣ покойника никого не было. Кстати сказать, что проѣзжая отъ „Живоноснаго Источника“ во Влахернѣ, я встрѣтилъ похороны какого-то зажиточнаго Турка, тѣло котораго несли на одно изъ кладбищъ за Византійской стѣной въ Стамбулѣ; на лицахъ участниковъ процессіи замѣтна была какая-то холодность или фатальная покорность судьбы; плачущихъ или растроганныхъ не было видно. Похороны представляли собою какъ-бы какое-то неизбѣжное исполненіе скучнаго обряда.

Константинополь, по общему мнѣнію, принадлежитъ къ самымъ распущеннымъ городомъ въ нравственномъ отношеніи: въ этомъ случаѣ его обыкновенно ставятъ паряду съ Парижемъ, Лондономъ и Берлиномъ. Но такое сужденіе требуетъ значительнаго ограниченія. Не весь Константинополь отвѣтствененъ предъ судомъ строгихъ моралистовъ. Турецкая часть Константинополя,—Стамбулъ (а это обширѣйшая часть Константинополя), крѣпко стоитъ за чистоту

правовъ и энергически охраняетъ ее. Отъ лицъ компетентныхъ мнѣ приходилось слышать, что въ Стамбулѣ принято слѣдующее правило: если въ какой-нибудь семьѣ здѣсь молодой турокъ достигъ зрѣлаго возраста и не женится, то его изгоняютъ на жительство по той сторонѣ Золотого Рога. Замѣчательно: въ Стамбулѣ нѣтъ казармъ (за исключеніемъ такихъ, въ которыхъ живетъ полицейская стража). Всѣ казармы размѣщены въ Галатѣ, Перѣ и другихъ мѣстахъ. Солдаты нигдѣ не являются блюстителями строгости правовъ. Безъ сомнѣнія, таковы же они и въ Константинополь, а потому они и удалены изъ ригористическаго Стамбула и живутъ тамъ, гдѣ ихъ пороки не могутъ соблазнять благочестивыхъ мусульманъ. Странно однако, что и султанскіе дворцы находятся за чертой Стамбула: ужь не подходятъ ли и они подъ категорію казармъ? Распущенность правовъ господствуетъ въ европейской Перѣ и грязной Галатѣ. Мнѣ самому среди бѣла-дня приходилось выслушивать отъ какихъ то темныхъ личностей предложенія посредничества въ такихъ дѣлахъ, которыя не подобаютъ ни моему возрасту, ни общественному положенію. Удивительнѣе всего то, что эти личности изъяснялись на отличномъ русскомъ діалектѣ. Нужно полагать, что такое знаніе языка приводитъ ихъ къ благимъ для нихъ послѣдствіямъ и выработано успѣшной практикой.

Изъ моихъ наблюденій надъ особенностями константинопольской жизни мнѣ остается сообщить еще очень не многое. Я не имѣлъ случая говорить о нищихъ и собакахъ Константинопольскихъ, между тѣмъ сказать о первыхъ я почитаю своимъ долгомъ, а молчать о послѣднихъ невозможно. Есть и въ Константинополь пазойливые и дерзкіе пицце въ родѣ московскихъ (особенной пазойливостью отличаются какія-то цыганки съ рябями на рукахъ); но не о нихъ я стану говорить. Если вы идете на пароходъ или прогуливаетесь по лучшему люднымъ улицамъ, то нерѣдко встрѣчаете какихъ-то пожилыхъ субъектовъ, въ фескахъ, опрятно одѣтыхъ и выглядывающихъ отставными профессорами, живущими слишкомъ скромною пенсіей, субъектовъ, держащихъ въ рукахъ металлическія тарелки, въ родѣ тѣхъ, какія составляютъ принадлежность небогатыхъ сельскихъ церквей въ Россіи. Эти люди при видѣ проходящихъ не дви-

гаются съ мѣста, но произносятся съ благоговѣніемъ одно и единственное слово: „Алли-Алля“. Въ лицѣ этихъ скромныхъ людей мы имѣемъ дѣло съ турецкими нищими. Они ни къ кому не пристають, не кланчуть, не бѣгають за милостивцемъ, а просто стоятъ, произнося свое: „Алля“. Я считаю турецкихъ нищихъ лучшимъ украшеніемъ Константинополя. Приходилось встрѣчать и грековъ—нищихъ: они конечно не возмашають: „Алля“, но за то, имѣя въ рукахъ такія же тарелочки, какъ и турки нищие, и будучи одѣты не хуже ихъ, тихо сидятъ въ украинскихъ мѣстахъ большой улицы и поютъ церковный гимнъ. Грековъ—нищихъ я встрѣчалъ немного. Своимъ контрастомъ съ обычнымъ представленіемъ о нашихъ нищихъ, и греки—нищие представляютъ трогательную картину.—Какъ нищие, о которыхъ я сейчасъ сказалъ, составляютъ, по нашему мнѣнію, лучшее украшеніе Константинополя, такъ уличныя собаки представляютъ крайнюю степень константинопольскихъ безобразій. Не видавъ этихъ собакъ, нельзя составить себѣ о нихъ понятія. Такихъ собакъ вездѣ, а въ особенности въ Галатѣ, великое множество. Онѣ не знаютъ ни дома, ни крова, ни хозяина. Родятся, проводятъ жизнь, производятъ потомство, вскармливаютъ его и наконецъ умирають -- на улицѣ. Права ихъ всеѣмъ не походятъ на права нашихъ собакъ. Большую часть своей жизни эти собаки лежатъ неподвижно, выбирая мѣстечко по близости тротуара со стороны улицы; располагаются не въ одиночку, а причудливыми живыми гирляндами—по 8-ми, 10-ти штукъ. Ежеминутно онѣ рискуютъ потерять хвостъ, погу и лишиться самой жизни, но онѣ остаются равнодушными ко всеѣмъ возможнымъ невздамъ. Онѣ фаталистичны, какъ беззаботные покровители ихъ—Турки. Страшно, что всеѣ собаки одной масти—рыжеватою, и всеѣ одного типа, мало походяго на нашу дворняжку. Шерсть ихъ коротка, а ноги длинны—въ противоположность характеристичнымъ свойствамъ нашихъ дворняжекъ, имѣющихъ короткія ноги и длинную шерсть. Еще больше эти собаки отличаются отъ нашихъ дворняжекъ своими нравами. Константинопольскія собаки никогда не лають ни на проходящихъ, ни на тѣхъ лицъ, которые наступаютъ имъ на ноги и хвостъ—въ послѣднемъ случаѣ онѣ только пѣсколько передвинутся съ мѣста. Ни

одна собака не выражаетъ ласки ни къ себѣ подобнымъ, ни къ человѣку: ни столь характеристичнаго у нашихъ собакъ вилянія хвостомъ, ни умильныхъ взглядовъ этихъ послѣднихъ — я никогда не замѣчалъ у турецкихъ собакъ. Онѣ индифферентны ко всему на свѣтѣ и безропотно подчиняются своей судьбѣ, какъ истыя исчадія Востока. Не имѣя лучшихъ качествъ нашихъ собакъ, онѣ не имѣютъ и ихъ дурныхъ свойствъ: наши собаки жадны до безобразія и при видѣ брошенной кости бросаются, сломя голову, къ лакомаму предмету; ничего такого нѣтъ у константинопольскихъ собакъ: бросайте около нихъ, что хотите—онѣ останутся неподвижны, наслаждаясь сномъ или дремотой; онѣ только тогда поднимаются на ноги и начинаютъ по близости отыскивать пищу, когда проголодаются, по утоливъ голодъ, снова ложатся на бокъ. Вожь и нечистота улицъ въ значительной мѣрѣ одолжены своимъ происхожденіемъ этимъ мнимымъ санитарамъ турецкой столицы.

III.

(Посѣщеніе окрестностей Константинополя: мѣстность древняго Халкидона,—способъ, какимъ я узналъ, гдѣ она находится,—что побуждало меня отправиться туда?—Мостъ чрезъ Золотой Рогъ, какъ центръ пароходнаго движенія по окрестностямъ,—его небезопасность для пѣшехода,—краткое, но ясное изреченіе.—Древній Халкидонъ и тенерешняя церковь св. Евѳиміи,—въ ней ли происходилъ четвертый вселенскій соборъ? Разныя мысли.—Островъ Халки: зачѣмъ я туда поѣхалъ? Красота Мраморнаго моря,—Халки, мной воображаемая и настоящая—встрѣча съ патріархомъ Никодимомъ.—Халкинское „училище великой церкви“, — путешествіе въ него верхомъ на осляти, — разсужденія о самомъ себѣ, — внутри училища, — знакомство съ Сербомъ,—классныя комнаты,—столовая: столы повыше и столы пониже, библіотека: есть-ли въ ней русскія книги? Разговоръ съ библіотекаремъ,—подарокъ отъ него,—церковь и могила,—еще другія бесѣды, — чудные виды отъ вершины, на которой расположено училище,—путь къ ближайшему острову. — На Великомъ Принципѣ: круговой туръ, оказывающійся полутуромъ,—важное затрудненіе,—„здравствуйте“, — разочарованіе и отказъ отъ одной мечты. — Видъ на св. Софію. — Скутари, — „тамъ нечего смотреть“.—Вуюкь-Дэръ: лѣтняя резиденція здѣсь русскаго посла,—роскошный паркъ,—на высотѣ метеорологической станицы,—чего мнѣ захотѣлось? знакомство съ г. Д. — Ничто о черепашьемъ супѣ,—бѣсѣда съ Д.—три теченія,—любезность г. Д.—обратный путь въ Константинополь и его томительность,—кафеджі и ихъ докучливость).

Описавъ церковныя достопримѣчательности Константинополя, къ которымъ я приглядывался внимательно, и отмѣ-

тивъ нѣкоторыя особенности общей константинопольской жизни, привлекшія мое вниманіе, большей частью, непамятно и случайно, я имѣю теперь въ виду сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о моихъ загородныхъ пугешествіяхъ, которыя входили въ планъ моей поѣздки въ столицу Турціи.

Тотчасъ послѣ того, какъ я обозрѣлъ св. Софію съ вѣншей стороны и такимъ образомъ приготовился къ болѣе подробному внутреннему обозрѣнію этой великой святыни, я въ тотъ же день, послѣ обѣда, предпринялъ отыскать мѣсто древняго Халкидона. Я конечно зналъ, что эта прославленная въ исторіи вселенскихъ соборовъ, мѣстность находится по ту сторону пролива, на азіатскомъ берегу, вблизи Константинополя. Но заявить прямо моему проводнику, кур-Димитрію, что я хочу ѣхать съ нимъ въ мѣстность древняго Халкидона, я не могъ; потому что онъ никакого Халкидона не зналъ, а теперешнее названіе вышеуказанной мѣстности мнѣ было неизвѣстно. Чтобы столковаться съ моимъ чичероне о томъ, куда мнѣ нужно ѣхать съ нимъ, я спросилъ его: не знаетъ ли онъ, гдѣ пайти на азіатскомъ берегу храмъ св. Евѳиміи? Онъ сказалъ: „знаю“. Храмъ св. Евѳиміи есть лучший показатель, гдѣ находился древній Халкидонъ, ибо въ этомъ послѣднемъ во время халкидонскаго собора существовала церковь во имя названной святой, гдѣ и происходилъ самый соборъ. „А какъ называется эта мѣстность?“ спросилъ я кур-Димитрія. Онъ отвѣчалъ: „Кадыкжей“.— „Вдемъ туда“, сказалъ я. Самое это названіе уже по звуку напомнило мнѣ древнее имя: Халкидонъ. Еще болѣе сходства оказалось между начертаніемъ этого имени на теперешнихъ планахъ Константинополя и начертаніемъ названія: Халкидонъ въ латинской его формѣ ¹⁾. Я съ давнихъ поръ принадлежу къ особеннымъ почитателямъ халкидонскаго собора. Еще въ 1879 году въ одномъ изъ своихъ сочиненій я воздавалъ ему разнообразныя и самыя искреннія хвалы ²⁾. Поэтому то, по прибытіи въ Константинополь, изъ числа его окрестностей, мнѣ возжелалось поскорѣе по-

1) Kadikjoi: Calcidon.

2) Между прочимъ я говорилъ: „шестьсотъ отцовъ собора Халкидонскаго на вѣки благословили богословскую науку и ея дѣло“. Всел. соб. IV и V вв. стр. 273. М. 1879.

бывать на томъ мѣстѣ, гдѣ происходилъ знаменитѣйшій соборъ.

Бхать слѣдовало на пароходѣ. Срочные пароходы компании „Шеркетъ“ ежеминутно бороздятъ воды Восфора и Золотого Рога. Пунктомъ отправленія всѣхъ городскихъ пароходовъ служитъ мостъ при устьѣ Золотого Рога. Упомянутая объ этомъ мостѣ, невозможно не сказать нѣсколько словъ о немъ: онъ представляетъ собою одно изъ многихъ турецко — константинопольскихъ безобразій. Тамъ, гдѣ приходится идти несчастнымъ пѣшеходамъ, мостъ представляетъ изъ себя въ значительной степени руину: доски расщелялись и подъ вашими ногами взору открывается морская пучина; громадные гвозди выпятились кверху и кажутся грибами, которые сломить трудно, но о которые сломить ноги весьма легко. Я неустанно жаловался моему единственному спутнику, кур-Димитрію на это и другія безобразія турецкихъ порядковъ и получалъ въ отвѣтъ одну и ту же стереотипную фразу: „турки—собаки, а греки—дураки“ (т. е. отъ турокъ нечего ждать добра, а греки, съумѣвъ потерять царство, не умѣютъ его возвратить). Но вотъ мы на пароходѣ и ѣдемъ въ Кадыкжей по направленію Мраморнаго моря. Менѣе, чѣмъ черезъ часъ,—мы тамъ. Первымъ моимъ дѣломъ по прибытіи туда, было обозрѣть храмъ св. мученицы Евѳиміи. Не смотря на вечернюю пору, тотчасъ же двое грековъ—сторожей—отперли намъ храмъ и ввели внутрь его. „Нѣтъ, думалъ я, это не тотъ храмъ, гдѣ засѣдали отцы Халкидонскаго собора: этотъ храмъ слишкомъ тѣсенъ для многочисленнѣйшаго изъ соборовъ“. Храмъ—новъ. Спрашиваю: „есть-ли здѣсь мощи св. Евѳиміи“? — „Нѣтъ“. — А есть-ли какія-нибудь здѣсь древности“? — „Нѣтъ“, получилъ опять въ отвѣтъ. Что дѣлать? пришлось еще разъ окинуть взоромъ храмъ и покинуть его. Въ научномъ отношеніи я ничего не приобрѣлъ отъ посѣщенія этого храма, и этого Кадыкжея—но я все же остался доволенъ пилигримствомъ сюда: я дышалъ тѣмъ воздухомъ, какимъ дышали св. отцы халкидонскіе, императоръ Маркіанъ и его жена, св. Пульхерія; я ходилъ по тѣмъ мѣстамъ, которыхъ касались и ихъ ноги. Развѣ этого мало? я доволенъ и съ удовольствіемъ вспоминаю „Кадыкжей“. „А гдѣ теперь твоя злосчастная душа, о Діоскоръ“!... Кадыкжей—это одно изъ

многочисленныхъ предметѣй Константинополя— и ничего не представляетъ интереснаго. Правда, я уже былъ не въ Европѣ, а въ Азіи, но только географія отличаетъ здѣсь одну страну свѣта отъ другой— все прочее не даетъ ни малѣйшихъ основаній догадываться, что мы въ Азіи. Намъ казалось, что пріѣхавъ изъ Константинополя въ Кадыкжей, мы перебрались не изъ одной части свѣта въ другую, а изъ одного константинопольскаго квартала въ другой со-сѣдній.— Но пора было и уѣзжать отсюда.....

Въ одно раннее утро, послѣ того, какъ я обозрѣлъ Софію обстоятельно, внутри ея, я отправился на острова Мраморнаго моря. Прежде всего, мнѣ хотѣлось ознакомиться съ халкинскимъ „училищемъ великой церкви“, единственной семинаріею и въ тоже время академіею константинопольскаго патріархата. Это училище, какъ извѣстно, помѣщается на островѣ Халки, близъ Константинополя. Когда мы миновали Золотой Рогъ, переплыли Восфоръ и вступили въ Мраморное море, для меня открылось величественное зрѣлище. Море казалось темно-голубымъ, точно въ немъ распущена синька. Въ первый разъ я увидѣлъ такое чудное море. Я видалъ три моря: Черное, Балтійское, Азовское, но они сѣроваты, дымчаты, а не сини. Тутъ только я понялъ, что это не метафора, если въ нашихъ нѣсныхъ море называется „синимъ“. До острова Халки ѣзды полтора часа. Уже черезъ часъ открылся взорамъ этотъ островъ. Передомною высилась какая-то гора, сплошь покрытая деревьями, — на вершинѣ которой виднѣлось что-то бѣловатое. Оказалось, что это и есть халкинское училище. Скажу кстати, что я воображалъ себѣ Халки небольшимъ уединеннымъ островомъ; на повѣрку вышло совсѣмъ не то. Халки— это очень большой островъ, состоящій изъ нѣсколькихъ горныхъ возвышенностей, довольно населенный въ нѣкоторыхъ его частяхъ,—а главное: онъ оказался чѣмъ-то въ родѣ Константинопольскаго Оксфорда. Здѣсь, кромѣ „училища великой церкви“, помѣщается громаднѣйшее коммерческое училище и военное училище турецкое. Есть на островѣ и монастыри. Когда мы причалили къ халкинской пристани и стали сходить съ парохода, мой проводникъ сказалъ мнѣ: „вотъ идетъ съ парохода патріархъ Никодимъ“ (бывшій Іерусалимскій). Я посмотрѣлъ и увидѣлъ величественнаго и мо-

гучаго старца — Голиаѳа, просто одѣтаго и шествующаго на берегъ. Гдѣ онъ ѣхалъ — вмѣстѣ ли съ нами — въ общемъ помѣщеніи, или въ каютѣ — я не знаю. Я хотѣлъ — было подойти къ нему подѣ благословеніе, но замѣтилъ, что никто этого не дѣлаетъ и счелъ неудобномъ выдѣляться изъ толпы. Никодимъ, какъ я узналъ отъ кур-Димитрія, проживаетъ въ Халки въ монастырѣ св. Георгія, и слыветъ человѣкомъ очень богатымъ. Я было хотѣлъ сдѣлать ему визитъ, но кур-Димитрій разъяснилъ мнѣ, что монастырь св. Георгія далеко отъ пристани — и я разстался съ своимъ намѣреніемъ, такъ какъ мнѣ предстояло ѣздить много въ этотъ день. Нужно было отправиться прежде всего въ „училище великой церкви“. Съ пристани совершенно ясно открывалось, что училище это занимаетъ вершину совершенно отдѣльной горы. Бѣловато-желтоватая зданія училища снизу казались орлинымъ гнѣздомъ, помѣщающимся на верхушкѣ скалы. Идти туда нѣшкомъ мнѣ казалось трудомъ, превышающимъ мои силы. Но на чемъ ѣхать? Экипажей совсѣмъ не видно. „Поѣдьте верхомъ на осликахъ“ сказалъ кур-Димитрій и указалъ на грунну погонщиковъ съ осликами, ждущихъ сѣдоковъ. — „Но я никогда не ѣздилъ на ослѣ“, — возразилъ я. — „Ничего они смиренны; хорошо сѣздимъ“, отвѣчалъ мой чичероне. Взяли двухъ осликовъ и погонщика, и открылось петоржественное шествіе на осляти. На что я былъ похожъ, возсѣдая на осликѣ верхомъ? Моя высокорослая и дюжая фигура слишкомъ мало гармонировала съ жалкимъ осликомъ, похожимъ на барапа. Мои ноги почти касались земли — такъ мало было мое подъяремное животное. Я былъ одѣтъ въ длинной и широкой „безрукавкѣ“, на головѣ моей сидѣла широкополая соломенная шляпа съ нѣсколькими отвислыми краями, въ рукѣ былъ свернутый бѣлый зонтикъ, съ праваго плеча висѣлъ бинокль, прикрѣпленный къ ремню; отъ страха свалиться съ осляти въ пучину морскую — я пригибался къ шеѣ ослика. На кого же я былъ похожъ? Я былъ недурной Санхо-Папчо. Но на дорогѣ никого не встрѣчалось и некому было рѣшить безпристрастно вопросъ: въ какой мѣрѣ я походилъ на одного изъ героев поэмы Сервантеса; а мой кур-Димитрій и погонщикъ ничего конечно не слышали о Сервантесѣ. Какъ бы то ни было, черезъ 20 минутъ, подѣ акомпаниментъ визга осликовъ,

представляющаго верхъ какофоніи, мы прибыли къ воротамъ училища, осѣненнымъ множествомъ пышныхъ деревьевъ. Но ворота оказались на замкѣ. Что дѣлать? Около воротъ и надъ воротами виднѣлись открытыя окна. Я началъ возглашать на русскомъ языкѣ: „отворите—отонрите“. Выступились чьи-то головы и минуты черезъ двѣ привратникъ открылъ ворота. Двухъэтажныя зданія училища представляли собою квадратъ (не очень большихъ размѣровъ), въ центрѣ виднѣется небольшая церковь. Извѣстно, что училище помѣщается въ бывшемъ монастырѣ св. Троицы, основанномъ нѣкогда знаменитымъ Фотіемъ. Училище, какъ извѣстно устроено, въ 40-хъ годахъ нынѣшняго вѣка ¹⁾. Я попросилъ кур-Димитрія объяснить привратнику, что я желаю обозрѣть училище и что пѣтъ-ли въ училищѣ учениковъ, которые знаютъ русскій языкъ и которые могли бы соупствовать мнѣ во время обозрѣнія. Черезъ нѣсколько минутъ является ученикъ—сербъ, священникъ, которому я и предалъ себя въ руки. Осмотрѣли классы. Классный корпусъ новенькій: открытъ только нынѣшній годъ. Я видѣлъ залу, гдѣ незадолго предъ этимъ происходили экзамены, въ присутствіи патріарха; зала не велика, но свѣтла. Пошли въ столовую. Здѣсь уже разставлена была посуда въ виду близившагося обѣда. По случаю вакаціи, учениковъ въ наличности было немного. Я увидалъ два накрытыхъ стола. Одинъ пониже — для учениковъ, а другой повыше — для учителей. Нужно сказать, что учителя живутъ въ самомъ училищѣ и обѣдаютъ вмѣстѣ съ учениками. Видя разставленными бокалы, я спросилъ: „это для вина“? — „нѣтъ, сказалъ Сербъ, для воды“. Затѣмъ я заглянулъ въ церковь и прошелъ въ бібліотеку, которая была отперта и въ ней занимался учитель - бібліотекаръ, одѣтый по монашески. Что дѣлать въ бібліотекѣ? Спросилъ: „есть-ли у васъ русскія книги и какія“? Мнѣ показали, о ужасъ, разрозненныя книжки журналовъ: „Духовной Бесѣды“ и „Вѣры и Разума“, а больше кажется не было ничего или же, по

¹⁾ Училищный строй и Халкинскіе порядки не разъ были описаны. Лучшее описаніе принадлежитъ проф. А. С. Лебеву („Изъ путевыхъ воспоминаній“. Пр. Обозр. 1882, т. I, стр. 138—150). Сюда и отсылаемъ за подробностями любознательнаго читателя.

крайней мѣрѣ, не оказалось въ наличности. Я узналъ, что русскія книги никѣмъ не читаются, хотя изученіе русскаго языка и входитъ въ программу халкинскаго училища. „Нѣтъ-ли у васъ — спрашиваю — какихъ-либо рукописей патріарха Фотія“? Такихъ тоже не было. Мнѣ сказали, что древнихъ рукописей въ библіотекѣ вообще нѣтъ и что имѣющіяся рукописи не превосходятъ трехсотлѣтнюю давность. Я счелъ не интереснымъ разсматривать такія рукописи. Наконецъ, спросилъ: нѣтъ ли у нихъ училищнаго отчета за истекшій годъ, или какихъ-либо протоколовъ, изъ которыхъ можно было бы узнать о ходѣ дѣлъ училища. Но ничего такого небыло въ библіотекѣ, такъ какъ ни протоколовъ, ни отчетовъ совсѣмъ не существуетъ. Впрочемъ мнѣ поднесли въ подарокъ брошюру, заключающую въ себѣ „Уставъ Халкинской богословской школы великой Христовой церкви“ ¹⁾. Библіотека не велика. Она имѣетъ саженой 15 въ длину и ширину — въ одинъ этажъ. При выходѣ изъ библіотеки я увидалъ надгробный памятникъ, который, какъ мнѣ сказали, поставленъ на могилѣ похороненнаго здѣсь какого-то патріарха Константинопольскаго. Какой прекрасный видъ открывается на всѣ стороны: вотъ чуть виднѣется Константинополь, а вотъ Принцезы острова; небо ярко-голубое, какое я видѣлъ только разъ съ горы Машукъ въ Пятигорскѣ. А море, море — какъ прелестно оно здѣсь, игралъ своими синими волнами ²⁾. Мой Сербъ пригласилъ меня къ себѣ въ комнату. Онъ жилъ вдвоемъ съ своимъ соотечественникомъ — молодымъ человѣкомъ, не имѣвшимъ церковнаго сана, по носившимъ подрясникъ, подобно всѣмъ нитомцамъ школы. Изъ разговоровъ съ моимъ Сербомъ я узналъ, что въ училищѣ всего 78 учениковъ (если память не обманываетъ меня), что изъ славянъ учатся только двое: онъ, да его товарищъ (котораго я и увидалъ въ комнатѣ моего собесѣдника), что изъ болгаръ никого нѣтъ въ училищѣ (это и понятно), что дисциплина строгая, такъ что онъ самъ, не смотря на свой духовный санъ, въ

¹⁾ *Κανονισμός τῆς ἐν χάλκι θεολογικῆς σχολῆς, τῆς τοῦ χριστοῦ μεγάλης ἐκκλησίας. Κονστ.—πολ. 1874.*

²⁾ Θεοπτοροῦ зовутъ Греки халкинскую училищную гору: за то, что съ нея открываются такіе восхитительные виды.

случаѣ если отправляется купаться, испрашиваетъ разрѣшеніе отъ ректора. Онъ мнѣ сказалъ, что по окончаніи курса въ Халки, намѣревается поступить для продолженія образованія въ Кіевскую Академію. Я звалъ его въ нашу, но онъ остался при своемъ выборѣ. Онъ далъ мнѣ свою карточку, которую я тогда не посмотрѣлъ и на которой потомъ прочелъ слѣдующія греческія слова: „Діонисій Петровичъ Протосинкеллъ“. „Протосинкеллъ“! Но что такое сербскій протосинкеллъ — не вѣдаю. Право, было бы не худо, еслибы „Діонисій Петровичъ“ перемѣнилъ свое рѣшеніе и поступилъ не въ Кіевскую, а въ Московскую Академію. Вѣдь было-бы оригинально имѣть студента— „протосинкелла“. Сербь попросили меня написать имъ и мое имя, и мой адресъ. Я исполнилъ ихъ желаніе. Великій Боже, съ какимъ жаднымъ любопытствомъ Сербъ протосинкеллъ глядѣлъ на выводимыя мною буквы и на меня самого: можно было подумать, что я казался ему восьмымъ чудомъ міра или, по крайней мѣрѣ, призракомъ, на который пужно смотрѣть пристально, пока онъ не разсѣялся. Въ халкинскомъ училищѣ жизнь поставлена на монашескій манеръ: нѣтъ ни оглушительныхъ роялей, ни надоедливыхъ скринокъ (созданныхъ на несчастье человѣка) ¹⁾. „Женскъ полъ“ можно видѣть здѣсь только на разстояніи пушечнаго выстрѣла. Если бы какимъ-либо волшебствомъ перенести студентовъ какой-либо изъ нашихъ Академій въ запертую ограду халкинской школы, то никто въ мірѣ не увѣрилъ-бы ихъ, что они находятся въ „училищѣ великой церкви“, а не въ великой тюрьмѣ. Халкинское училище не похоже по величинѣ и красотѣ зданій не только на наши Академіи, но и на семинаріи. Это просто провинціальное училище въ родѣ стараго Перервинскаго (близъ Москвы), помѣщавшагося прежде въ самомъ монастырѣ того же и имени. Но пора уже и уѣзжать съ Халки. Привратнику я далъ бакшишъ: пятицѣнструвую монету (за цѣнмѣніемъ въ карманѣ меньшей монеты) и тѣмъ привелъ его въ великое изумленіе. Онъ навѣрное принялъ меня или за богача, или же за безумца. Съ какимъ усердіемъ онъ усаживалъ меня на ос-

¹⁾ Недаромъ они изобрѣтены Канновымъ потомкомъ, сыномъ убійцы и двоеженца (Быт. 4, 21—33). Сличн „Крейцерова Соната“ гр. Толстаго.

лика: можно было подумать, что онъ упаковываетъ хрупкій сосудъ, способный разбиться отъ толчка на дорогѣ. Кидаю послѣдній взглядъ на прелестную картину, открывающуюся съ вершины училищной горы и устремляюсь на пристань.

Нужно было ѣхать на сосѣдній островъ, извѣстный въ Константинополь подъ именемъ: „великаго Принципа“ (по нашему: главнаго изъ Принцевыхъ острововъ—но такъ въ Константинополь не говорятъ). Къ нашимъ услугамъ лодка съ грекомъ-гребцомъ. Плаванье на лодкѣ отъ Халки до „великаго Принципа“ продолжалось минутъ 15. Лодочникъ-грекъ въ отвѣтъ на мой вопросъ: кто онъ и откуда, рассказалъ на прекрасномъ греческомъ языкѣ, съ великолѣпными интонаціями, метая искры глазами, о томъ, что онъ родомъ съ Халки, и что отцы и дѣды его жили тоже здѣсь. Я слушалъ его голосъ, какъ звуки Эоловой арфы. О красотѣ и великолѣпнн „Принцевыхъ острововъ“ прожужжалъ мнѣ уши севастипольскій прокуроръ, спутникъ мой отъ Севастополя до Константинополя. Поэтому, я желалъ насладиться прелестью зрѣлища. А ради такой цѣли, какъ только прибыли на островъ, я, по совѣту кѹр-Димитрія, взялъ фаэтонъ, на которомъ имѣлось въ виду сдѣлать полный туръ по берегамъ острова. Поѣхали. Но полного тура не сдѣлали, вслѣдствіе маленькой плутни возницы. „Принципъ“ не дурень, но особеннаго я ничего не нашелъ. Много красивѣе нашъ Крымъ, а Пятигорскъ съ его плѣнительными видами и сравниваемъ быть не можетъ съ „Принципомъ“. Какъ мало мы знаемъ Россію и какъ мало мы умѣемъ цѣнить красоты ея разнообразной природы! Мое намѣреніе при осмотрѣ острова заключалось въ томъ, чтобы въ случаѣ, если онъ мнѣ понравится, пріѣхать сюда въ слѣдующемъ году на дачу на цѣлое лѣто („Принципъ“—дачное мѣсто) и дѣлать отсюда экскурсіи въ Константинополь для изученія греческаго духовенства и греческой церковной жизни. Но „Принципъ“ не очаровалъ меня, а потому вышеуказанное мое намѣреніе отложено мной въ долгій ящикъ. --- Приспѣло время обѣда.—Говорю: кѹр-Димитрію: „сведите меня въ лучший ресторанъ“. Мой чичероне отвѣчаетъ: „лучшимъ рестораномъ считается здѣсь тотъ ресторанъ французскій, который у пристани, но тамъ безбожныя цѣны“. Пошли искать ресторана съ болѣе сходными цѣ-

нами; но греческія кухмистерскія, куда приводилъ меня кур-Димитрій, отталкивающе дѣйствовали на меня грязноватымъ видомъ и воною. Пришлось идти въ дорогой ресторанъ. Вошелъ. Спрашиваю: „подайте меню блюдо“. Non, отвѣчаютъ. „Покажите карточку табль-дота“. Non, опять тотъ же отвѣтъ. Весь запасъ французскаго разговора былъ уже мной истощенъ и я не зналъ, что начать. Сѣлъ съ горя на стулъ и воскликнулъ по-русски: „вотъ бѣда!“ Эти жалкія слова сдѣлались для меня спасительными. Одинъ изъ официантовъ, черненькій и маленькій (по всѣмъ видимостямъ, жидокъ) обратился ко мнѣ съ русской рѣчью, правда ломаною, но все-таки онъ объяснилъ мнѣ, что у нихъ есть готовый обѣдъ, что обѣдъ стоитъ пять франковъ. Пять франковъ—дѣйствительно дорого, но я радъ былъ тому по крайней мѣрѣ, что добился обѣда и знаю напередъ, что онъ стѣитъ. За эти деньги притомъ же кромѣ обѣда подали мнѣ обильный десертъ и объемистый графинъ краснаго вина, котораго я не могъ выпить, не смотря на понятное усердіе: зачѣмъ было деньгамъ пропадать? Этотъ случай я рассказалъ вотъ почему: право, пріятно сознавать, что принадлежишь къ національности (безъ сомнѣнія, великой), языкъ которой встрѣтишь и тамъ, гдѣ совсѣмъ этого и не ожидаешь. Тотъ-же черненькій официантъ, по окончаніи обѣда, превѣжливо проводилъ меня до выходной двери (ресторанъ помѣщался въ верхнемъ этажѣ) и здѣсь раскланявшись со мной, важно проговорилъ: „здравствуйте, господинъ“. Я отъ души расхохотался, услышавши это неожиданное привѣтствіе, расхохотался, кажется, еще въ первый разъ въ Константинополѣ. Я вышелъ довольный обѣдомъ и гордый отъ сознанія, что принадлежу къ одной изъ самыхъ импозантныхъ націй. До отплытія парохода у меня оставалось еще болѣе часа, и я не зналъ, что мнѣ дѣлать. Каюсь, я скучалъ отъ „великаго Принципа“. Рейсъ обратно въ Константинополь ничѣмъ не былъ ознаменованъ. Помню твердо одно: когда сталъ въ дали обрисовываться Константинополь, то я замѣтилъ, что особенно какъ-то выдѣляется одно зданіе, какъ будто знакомое мнѣ и какъ будто не совсѣмъ знакомое. Обращаюсь за справками къ кур-Димитрію и получаю въ отвѣтъ, что это, видимое мною, зданіе есть св. Софія. Вглядываюсь

пристальнѣе, и дѣйствительно узнаю, что это св. Софія, но не та Софія, которую я видѣлъ съ рейда прежде, а какая-то особенная: казалось, что она или уходила въ высь небесную или спускалась оттуда. Я не думаю, чтобы это былъ обманъ зрѣнія (со мной былъ хорошій бинокль). Иѣтъ, юстиніановскіе архитекторы Софіи, когда составляли планъ храма и потомъ строили самый храмъ, приняли во вниманіе законы перспективы; но они мало заботились о томъ, какую Софія можетъ казаться со стороны Константинопольскаго пролива и нашей Скиѳіи, а употребили все стараніе на то, какую она будетъ казаться со стороны Мраморнаго моря, съ той стороны, съ которой пріѣзжали въ столицу Византійской имперіи царственныя особы, послы болѣе цивилизованныхъ и богатыхъ странъ западныхъ, римскіе папы. Интересно было бы знать: вѣрно-ли мое предположеніе или я ошибаюсь?

Въ Скутари, азіатскомъ предмѣстьи Константинополя, раскинувшемся прямо противъ города, я не имѣлъ удовольствія быть. Но въ этомъ виновенъ не я, а мой „вѣрный Рычарда“—квр-Димитрій. Много разъ я говорилъ ему: „поѣдемте въ Скутари“, а онъ обыкновенно отвѣчалъ: „Да тамъ нечего смотрѣть“. Въ самомъ дѣлѣ, есть-ли на что смотрѣть въ Скутари, я самъ не зналъ. Правда, я читалъ или слыхалъ, что въ Скутари находится большое и роскошное турецкое кладбище. Но откровенно говоря, турецкія кладбища (ихъ вездѣ много) съ ихъ меланхолическими кипарисами мнѣ давно прискучили. Разумѣется, я могъ бы настоять на томъ, чтобы квр-Димитрій свозилъ меня въ Скутари. Но меня нѣсколько пугала слѣдующая перспектива: ну, положимъ, что пріѣдемъ въ Скутари, сойдемъ на берегъ; что-же дальше?.. Вдругъ квр-Димитрій скажетъ: „вотъ мы пріѣхали, ведите меня, куда хотите, я за вами послѣдую“. Что я могъ бы на это сказать и какъ въ подобномъ случаѣ нужно было бы поступить? Однимъ словомъ, если я, не побывавъ въ Скутари, что-либо чрезъ это потерялъ, то жесткіе укоры моихъ читателей пусть обращаются по адресу моего несговорчиваго проводника.

Наканунѣ отъѣзда изъ Константинополя я рѣшился сдѣлать прогулку въ Буюкъ-Дарэ, лѣтнее мѣстопребываніе русскаго посольства. О привлекательности этой мѣстности

я много слышалъ и читалъ. Дѣйствительность, къ счастью, не обманула меня на этотъ разъ. Буюкъ-Дэрэ оправдало свою славу. Часовъ въ 8 утра я уже былъ на пароходѣ, совершающемъ рейсы по Константинопольскому проливу. Путь предлежалъ не короткій. Около двухъ часовъ неслия мы, осѣняемые флагомъ съ изображеніемъ луны и звѣздъ. Приѣхали. Дворецъ русскаго посла расположенъ на самомъ берегу Восфора и переднимъ фасадомъ смотритъ на волнующуюся стихію. Кромѣ дворца, здѣсь лѣтняя церковь, много зданій для членовъ посольства, благоустроенныя службы,—а позади великолѣпнѣйшій паркъ, ползущій по гористому побережью. Меня занималъ больше всего этотъ паркъ. Паркъ чудесный; быть можетъ есть другіе подобные же и даже лучшіе парки на Восфорѣ, но я ихъ не знаю. Роскошная культура растений, изящество плана, обдуманное распредѣленіе бесѣдокъ и другихъ мѣстъ отдохновенія, хозяйственный присмотръ за паркомъ—все это дѣлаетъ посольскую дачу очень уютнымъ мѣстечкомъ. Не хочется уходить отсюда, особенно когда вспомнишь, что уходить то приходится въ... Константинополь. Представьте: въ паркѣ растутъ въ грунту великолѣпнѣйшія лавровыя деревья, ростомъ съ нашу березу. Множество винограда, грушъ. Въ добавокъ къ этому тишина и благораствореніе воздуха. Идя паркомъ, я поднимался все выше и выше, совсѣмъ не замѣчая этого, и не чувствовалъ ни малѣйшей усталости, хотя подъемъ былъ длиненъ и довольно крутъ. Поднявшись на самую возвышенную точку парка, я замѣтилъ какое-то зданіе, хорошенько присмотрѣвшись къ которому, я принялъ его за метеорологическую станцію, чѣмъ оно и въ самомъ дѣлѣ оказалось. Подойдя къ самой станціи, я не могъ не соблазниться двумя вещами: во-первыхъ, мнѣ захотѣлось попасть на плоскую крышу зданія, откуда, по моему соображенію, долженъ открываться красивый видъ; а во-вторыхъ, возлѣ самага зданія находилось развѣсистое дерево со спѣлыми грецкими орѣхами: мнѣ захотѣлось полакомиться этими послѣдними. Для того, чтобы удовлетворить своимъ желаніямъ, я долженъ былъ обратиться къ лицу, завѣдывающему станціей, что я и сдѣлалъ. Хозяиномъ метеорологической станціи оказался молодой флотскій офицеръ Д., который охотно вызвался удовлетворить всѣмъ

моимъ желаніямъ. Онъ сводилъ меня на верхнюю площадку зданія, показалъ мнѣ различные инструменты, употребляющіеся въ дѣлѣ метеорологіи, объясняя ихъ значеніе (но я, не обладая даже элементарными познаніями изъ физики и математики,—ничего изъ его объясненій не усвоилъ). Затѣмъ онъ приказалъ своему матросу нарвать грецкихъ орѣховъ и повелъ меня въ свое помѣщеніе, которое казалось маленькимъ дворцомъ. Появились на столѣ грецкіе орѣхи прямо съ дерева, потомъ самоваръ и наконецъ какое-то самосское вино, которое хозяинъ очень расхваливалъ, но я едва ли на этотъ разъ оказался на высотѣ своего призванія. Угощая меня съ чисто-русскимъ гостеприимствомъ, хозяинъ вдругъ воскликнулъ: „какая досада, что я не могу поподчивать васъ супомъ изъ черепахи“.— „Какой такой черепахи“? съ удивленіемъ спросилъ я. Хозяинъ объяснилъ мнѣ, что въ паркѣ водятся черепахи въ натуральномъ состояніи, и что иногда, когда ему вздумается полакомиться супомъ изъ черепахи, онъ приказываетъ своему матросу поймать черепаху, что тотъ съ успѣхомъ и исполняетъ. „Вчера—прибавилъ г. Д.—матросъ поймалъ для меня черепаху, но она негодная за ночь куда-то убѣжала“. Скажите: въ паркѣ водятся черепахи и ихъ ловятъ, точно домашнихъ куръ! Но дороже всего, дороже самосскаго вина, дороже готовности хозяина угостить меня черепахинымъ супомъ, была его продолжительная бесѣда со мной, искренняя, живая, свидѣтельствующая о его замѣчательной наблюдательности. Много, много сообщилъ онъ мнѣ интереснаго о Константинополѣ и жизни въ этомъ городѣ, о разныхъ лицахъ, которыхъ онъ зналъ и о которыхъ я хотѣлъ имѣть свѣдѣнія, но передавать содержаніе нашей бесѣды я считаю дѣломъ нескромнымъ. Сообщу лишь два-три свѣдѣнія, переданныя имъ мнѣ и имѣющія отвлеченный и даже научный характеръ. Отъ него я узналъ, что Константинопольскій проливъ по его свойствамъ и особенностямъ остается неизслѣдованнымъ, потому что турки по своему истолковываютъ всякіе эксперименты надъ проливомъ съ инструментами въ рукахъ. Между тѣмъ, онъ заслуживалъ бы серьезнаго изученія. Оказывается, что Восфоръ всегда имѣетъ два противоположныхъ теченія немовѣрной силы и что къ нимъ иногда присоединяется

третье отъ Золотога Рога, по природа этихъ явленій не изслѣдована, какъ бы желалось. Сила этихъ теченій такъ велика, что пароходы только съ великимъ трудомъ могутъ становиться на якорь въ гавани. Эти теченія по разъясненіямъ г. Д. имѣютъ громадное санитарное значеніе для Константинополя. Они своею стремительностью увлекаютъ въ моря всякіе отбросы, попадающіе въ Восфоръ и Золотой Рогъ. Если бы не было этихъ теченій, то Константинополь былъ бы вѣчнымъ очагомъ холеры и всякихъ тифовъ. Итакъ—вотъ кто служитъ санитаромъ Константинополя—это Восфоръ. Затѣмъ г. Д. сообщилъ мнѣ, что Черное море очень медленно нагрѣвается весной, такъ что въ мартѣ и апрѣлѣ, когда воздухъ бываетъ уже сильно нагрѣтъ солнцемъ, море остается холоднымъ, какъ ледъ. Вслѣдствіе этого наше посольство выѣзжаетъ на дачу не раньше мая, когда вода согрѣвается и перестаетъ развивать холодныя испаренія. Дачная жизнь въ Буюкъ-Дэрэ продолжается до ноября. — Я взглянулъ на часы и съ удивленіемъ увидаль, что уже два часа длится моя бесѣда съ любезнымъ хозяиномъ. Эти два часа промелькнули для меня, какъ мигъ. Нужно было продолжать свою прогулку въ паркѣ и собираться ко дворамъ. Я всталъ и началъ раскланиваться съ г. Д. Но онъ, какъ оказалось, совсѣмъ не желалъ, по его словамъ, такъ скоро разставаться со мной. Онъ удерживалъ меня, прося позавтракать съ нимъ, но я на отрѣзъ отказался отъ этого предложенія. Тогда онъ началъ настаивать, чтобы я, по крайней мѣрѣ, принялъ отъ него въ подарокъ бутылку самоссака; я любезно отклонилъ предложеніе. Мы разстались друзьями. Молодой Д. составляетъ одно изъ отраднѣйшихъ воспоминаній моей скитальческой жизни въ Константинополь. Обратный путь въ городъ былъ очень скученъ и много повредилъ пріятности впечатлѣній, вынесенныхъ мною изъ посѣщенія лѣтней резиденціи нашего посла. По какой то случайности мы попали не на пароходъ прямого сообщенія, а на пароходъ такъ называемаго кружнаго рейса. Слѣдовало по очереди причаливать ко всѣмъ пристанямъ европейскаго и азіатскаго берега Восфора. Путь длился цѣлыхъ три часа. А каково это потерять три часа ни за-что ни про-что для путника, дорожащаго временемъ? Я испытывалъ

такое же чувство томленія, которое я извѣдалъ, обозрѣвая берега нашей Волги: предъ тобою прекрасный величій видъ и ты испытываешь чувство удовольствія, но, вотъ, вдосталь насладившись зрѣлицемъ, жаждешь перемѣны декораціи, а этого-то и нѣтъ; пароходъ черепашьимъ шагомъ движется по крайне извилистому фарватеру Волги, и проходить часъ прежде, чѣмъ декорація перемѣнится. Скука! На пароходѣ, на которомъ я ѣхалъ изъ Буюкъ-Дэръ, какъ на всѣхъ параходахъ на свѣтѣ, имѣлся буфетъ. Бойкіе кафеджии съ подносомъ въ рукахъ, на которыхъ стоятъ кружки съ водой (вода въ Константинополѣ—предметъ торговли), чашки съ кафе, неистово и поминутно выкрикиваютъ, подсовывая свой товаръ подъ носъ пассажирамъ. „Су-судись (воды—водички—по-турецки) кафэ-э-э кафались, лимонадо—газ-з-з-зо“ --- раздаются трели. Въ прежнія поѣздки я какъ-то мало обращалъ вниманіе на этихъ ухорскихъ крикуновъ, но теперь эти кафеджии мнѣ надоѣли до тошноты. Мнѣ хотѣлось выкупать ихъ въ водахъ пролива. Они напомнили мнѣ тѣхъ невѣроятно дерзкихъ и нахальныхъ парней Никольской улицы въ Москвѣ, которые пазойливо лѣзутъ къ пѣшеходамъ, навязывая имъ всякую дрянъ. Но тамъ хоть есть полицейскіе, охраняющіе отъ дерзкихъ нахаловъ,—здѣсь же я былъ на законнѣйшемъ основаніи беззащитенъ... Но вотъ мы—слава Богу—въ Константинополѣ—на Пантелеймоновскомъ подворьѣ.

IV.

(Жизнь подъ мирнымъ кровомъ Пантелеймоновскаго подворья: что представляетъ собой это подворье? Радущіе пантелеймоновцевъ, — ихъ хлѣбъ-соль,—о. Севастъ,—парадный праздничный обѣдъ въ поднебесьи, — гости и гостыи,—чему досталось главная роль за трапезой,—темы разговоровъ.—благой причѣръ, достойный подражанія.—Возвращеніе во свояси: причины, побудившія ускорить мой отъѣздъ изъ Константинополя, — прощаніе съ пантелеймоновцами,—я на пароходѣ „Аргонавтъ“, отплывающемъ въ Одессу, — мои сотоварищи по каюгъ-компаніи,—недостатокъ общества, — знакомство съ русскимъ грекомъ, влезанно прервавшееся, — островъ Фидонисъ,—пріѣздъ въ Одессу,—потребность перемѣны въ настроеніи. — прогулки въ городѣ, и поѣздки по окрестностямъ,—пора „домой“,—я дома).

Пантелеймоновское подворье! Но я еще ничего не сказалъ о немъ, а между тѣмъ говорить о немъ считаю непре-

мѣннымъ своимъ долгомъ, долгомъ совѣсти. Это подворье (какъ и нѣкоторыя другія монастырскія подворья въ Константинополь: Андреевское, Ильинское) служитъ станціей или мѣстомъ отдыха для русскихъ богомольцевъ, отправляющихся въ Иерусалимъ и на Аѳонъ. Оно представляетъ собой монашескую колонію, митрополіей которой служитъ (какъ я упоминалъ выше) русскій Пантелеймоновъ монастырь на св. горѣ. Въ Пантелеймоновскомъ подворьѣ останавливаются (*ме обязывался* платить ни за помѣщеніе, ни за чай, ни за столъ) разныя духовныя и свѣтскія лица, проѣзжающія по своимъ личнымъ или официальнымъ надобностямъ на Востокъ или съ Востока въ Россію или куда-нибудь еще. Здѣсь ищутъ себѣ пріюта и нѣкоторые профессора Академій и Университетовъ, изучающіе Востокъ.

Зданіе подворья выстроено сравнительно недавно, имѣетъ четыре этажа, и въ высоту длиннѣе, а въ основаніи уже, какъ почти всѣ дома въ Константинополь. Оно заднимъ фасомъ обращено къ главной улицѣ Галаты, а переднимъ смотритъ на Золотой Рогъ и отчасти на Восфоръ. Добавимъ: находится въ какихъ нибудь десяти шагахъ отъ главной артеріи Галаты. Помѣщенія по своимъ удобствамъ и обстановкѣ, конечно, не могутъ равняться съ лучшими московскими гостинницами. Подворье не можетъ спорить ни съ Лоскутной гостинницей въ Москвѣ, ни даже съ Метрополемъ здѣсь-же, а приближается по своимъ удобствамъ и обстановкѣ къ Московскимъ Мамонтовскимъ номерамъ. Привыкши жить во время моей поѣздки по Кавказу и Крыму въ лучшихъ гостинницахъ, дающихъ полный комфортъ, я чувствовалъ себя нѣсколько не по себѣ въ Пантелеймоновскомъ подворьѣ. Комфортъ лучшихъ гостинницъ, какъ извѣстно, чувствуется во всемъ: въ изысканной и педантической чистотѣ, въ расторопности прислуги, въ мягкой и изящной мебели, даже разстановкѣ вещей и проч. Всего этого нельзя находить на подворьѣ въ той степени, въ какой желаешь. Помѣщенія подворья проще и ихъ удобства развѣ пемного заходятъ дальше удовлетворенія необходимыхъ потребностей ¹⁾.

¹⁾ Докторъ Елисѣевъ говоритъ: „домъ (составляющій подворье), построенный скорѣе въ европейскомъ, чѣмъ восточномъ вкусѣ, пріятельскій снаружи и съ перваго взгляда производящій прекрасное впечатлѣніе сре-

Но за то подворье даетъ то, что не найдете ни въ одной гостиницѣ въ мѣрѣ. Какое радушіе, добродушіе и почти родственное чувство находите въ оо. пантелеймоновцахъ! Постоялецъ сразу же дѣлается членомъ новой какъ-бы родственной семьи. Мнѣ было почти совѣстно отъ ихъ вниманія, смѣю думать—искренняго, какимъ они меня окружали. Подадутъ самоваръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и заваренный чай такого прекраснаго качества, что я забывалъ о своемъ московскомъ чаѣ, который я привезъ съ собой. Къ чаю подавалась груда хлѣба, булокъ, баранокъ, и когда я слишкомъ мало всего этого съѣдалъ, мнѣ пѣняли: „что-же вы мало кушали“. Разъ я замѣтилъ, что я люблю пить чай съ молокомъ и съ тѣхъ поръ молоко неизмѣнно являлось къ моему чаю въ такомъ обилии, что этого молока хватило-бы на четверыхъ. Отецъ Севасть, монахъ мнѣ прислуживавшій (Севасть, котораго богомольцы, по его словамъ, проще (?) называли: Севастополемъ) каждый день обращался ко мнѣ съ просьбою: „покушать, пообѣдать, поужинать“¹⁾. Но я ни разу не бралъ себѣ стола у пантелеймоновцевъ. Я не хотѣлъ жить жизнью Богоявленскаго монастыря въ Москвѣ, а жизнью Константинопольскою. Я обѣдалъ, большею частію, въ одномъ французскомъ ресторанѣ въ Перѣ. Кстати сказать, здѣсь за одинъ рубль (не болѣе) я получалъ вкусный и сытный обѣдъ, какого за ту же цѣну ни въ какомъ случаѣ не найдешь въ Москвѣ. Добрые пантелеймоновцы, какъ я вамъ благодаренъ за все!

ди грязныхъ строснѣй Галаты, также чистъ и комфортабеленъ внутри“ (стр. 60), но это описаніе подворья скорѣе походить, по нашему мнѣнію, на комплиментъ. Онъ же говоритъ: „въ длинныхъ корридорахъ (собственно въ задней части ихъ) идутъ прекрасныя чугунныя рѣшетчатыя помостки, благодаря которымъ вентилируется воздухъ“ (61). Но эти чугунныя прозрачныя рѣшетки мнѣ съ разу же не понравились, и я прозвалъ ихъ „чертовой паутиной“. Черезъ эти с возныя рѣшетки вы видите людей, ходящихъ и по верхнему и по нижнему корридору—надъ вашей головой и подъ вашими ногами. Если смотрите вверхъ и видите ноги идущаго человека, то представляется какъ будто бы эти ноги сливаются съ его головой и какъ будто надъ вами ползетъ гигантскій паукъ по желѣзной паутинѣ.

1) Вполнѣ надлежитъ вѣрить г. Елисеѣву, если онъ говоритъ: „положа руку на сердце, скажу, что нигдѣ я не пользовался такою свободою, нигдѣ мнѣ не дышалось такъ легко, какъ на Аѳонскомъ (Пантелеймоновскомъ) подворьѣ“ (63).

Послушали бы вы ихъ, съ какимъ сочувствіемъ они распространяются о такихъ постояльцахъ подворья, какъ двое нашихъ ученыхъ литургистовъ—профессоровъ, Н. О. Красносельцевъ и А. А. Дмитріевскомъ, съ истинно-завиднымъ усердіемъ изучающихъ Афонскія хартіи, имѣющія отношеніе къ литургикѣ. „А вотъ мы на дняхъ ждемъ къ себѣ съ Афона Н. О. Красносельцева. Здоровъ ли онъ“, говорили отцы-наптелеймоновцы. Или: „слава Богу, начальство награждаетъ 3000 р. А. А. Дмитріевскаго за его трудъ“ (безъ сомнѣнія, разумѣются деньги, отпущенныя Синодомъ г. Дмитріевскому на печатаніе собранныхъ имъ Афонскихъ литургическихъ матеріаловъ). Вотъ каковы наптелеймоновцы, пригрѣвшіе и меня грѣшнаго.

Не могу не сказать о томъ парадномъ обѣдѣ, который былъ устроенъ братіей подворья 27-го Іюля въ праздникъ св. Павтелеимона, на который и я былъ приглашенъ. Этотъ парадный обѣдъ происходилъ въ высихъ поднебесныхъ. Онъ былъ сервированъ въ верхнемъ четвертомъ этажѣ, на открытой галлерей, подлѣ самой церкви, находящейся въ этомъ этажѣ ¹⁾. Отсюда открывается великолѣпнѣйшій видъ на Константинополь. Гостями были: настоятель посольской церкви о. Арх. Арсеній, о. А. К. Смирнопуло (изъ обрусѣлыхъ грековъ), священникъ при русскомъ госпиталѣ (человѣкъ университетскаго образованія, прежде проходившій должность законоучителя при высокихъ особахъ за границей), члены посольства: секретарь, военный агентъ, драгоманъ, множество посольскихъ дамъ. Ждали самого русскаго посла, но онъ на этотъ разъ почему-то не прибылъ. Не зелено вино, и не шишучка играли главную роль за этой трапезой, а искристый лёдъ, настоящій лёдъ, помѣщенный въ хрустальныхъ, внушительнаго объема, вазахъ, къ которымъ ежеминутно протягивались руки гостей (лёдъ клали себѣ въ стаканы, бокалы, на тарелки, чуть не прямо въ ротъ). Сколько новаго и интереснаго узналъ я изъ

¹⁾ Въ сущестѣ дѣла церковь эта домовая, тѣмъ не менѣе она имѣетъ колокольню (звонницу), находящуюся въ верхнемъ же этажѣ, въ слѣпахъ здания. Чувство странное и въ тоже время пріятное испыталъ я, когда въ то время, какъ я пилъ утромъ чай китайскій съ молокомъ константинопольскимъ, прямо надъ моей головой разливался чистый русскій гре-звонъ. Снаружи зданія звонъ почти не слышенъ.

разговоровъ съ гостями, присутствовавшими на праздникѣ? Еслибъ я захотѣлъ подробно рассказать объ этомъ, то пришлось бы говорить много и долго, но моя повѣсть о Константинополѣ и безъ того слишкомъ затянулась—сознаю и каюсь въ этомъ. Я приобрѣлъ разнообразныя свѣдѣнія: о тогдашнемъ патриархѣ Константинопольскомъ Діонисіи (теперь уже покойномъ), о греческихъ архіереяхъ, о томъ, почему русскіе до сихъ поръ не открыли школы для грековъ и славянъ въ Константинополѣ, подобно тому какъ это сдѣлали даже англичане, даже американцы (оказалось, не русскіе тутъ виновны)¹⁾, о климатѣ Константинополя (который вовсе не хвалятъ), о томъ, что составляетъ завѣтныя мечты членовъ посольства („какъ-бы домой“), но всего не перечислишь. Сообщая свѣдѣнія о парадномъ пиршествѣ на подворьѣ, не могу умолчать еще вотъ о чемъ: прекрасно одѣтыя, веселыя, милыя дамы, засѣдавшія за монастырской трапезой, навели меня на мысль: да почему же это на нашихъ парадныхъ академическихъ обѣдахъ не присутствуютъ наши дамы? Разумѣю: умныхъ и презентабельныхъ матерей семействъ профессорскихъ домовъ. Почему посольскимъ дамамъ позволительно то, что будто бы не позволительно нашимъ? Монастырское Пантелеймоновское подворье—подастъ намъ благой примѣръ, достойный подражанія! Вотъ неожиданная, но—смѣю думать—прекрасная мысль, родившаяся въ моемъ умѣ подъ впечатлѣніемъ радушнаго обѣда у пантелеймоновцевъ.

Братскій привѣтъ мой вамъ, мои добрые, спусходительные и услужливые отцы пантелеймоновцы!

И всего-то немного я пробылъ въ Константинополѣ, но начипалъ уже нѣсколько скучать: мнѣ сталъ наскучивать знаменитый городъ. Мнѣ начало претить это вѣчное галдѣніе на улицахъ, это вавилонское смѣшеніе языковъ. Мнѣ тошно дѣлалось смотрѣть на эти фізіономіи иностранныхъ обывателей Константинополя, занятыхъ единственно мыслию куплѣ-продажѣ и наживѣ; на эти фізіономіи, то самодовольныя, вѣроятно, вслѣдствіе удачныхъ операцій и ловкихъ надувательствъ, то равнодушныя съ разсѣяннымъ ви-

1) По газетнымъ извѣстіямъ, эта школа русская, къ счастью, уже открыта. Это произошло 2-го марта.

домъ, свидѣтельствующія, что кулакъ обдумываетъ какую-либо новую плутню. Вообще, типъ хищника, преобладающей среди Константинопольскихъ иностранцевъ, скоро начинаетъ возбуждать чувство омерзѣнія. Я не могу не сказать и о томъ, что и Пантелеймоновское подворье помѣщено на такомъ мѣстѣ, которое подконецъ начинаетъ неприятно дѣйствовать на чувство. Почти рядомъ съ подворьемъ существуетъ какое-то заведеніе, которое титулуется громкимъ именемъ „турецкаго театра“, а въ дѣйствительности есть нѣчто такое, что неприято называть въ обществѣ. Здѣсь ежедневно съ 9 часовъ вечера до 3-хъ часовъ утра визжитъ музыка, подъ акомпаниментъ оглушительнаго турецкаго барабана, наигрывая безпрестанно вальсъ, надобдливые звуки котораго широкой волной льются въ окна подворья, окна, конечно, отворяемые на ночь въ виду духоты. Я разговаривалъ объ этомъ деликатномъ предметѣ съ отцами пантелеймоновцами. Они глубоко сожалѣютъ, что подлѣ нихъ завелась такая гадость; сознаютъ, что эта послѣдняя оскорбляетъ чувства богомольцевъ; но конечно никто въ этомъ не виновенъ — и меньше всего смиренные отцы подворья. Мнѣ скорехонько захотѣлось уѣхать изъ Константинополя, хотя я имѣлъ возможность жить тамъ съ цѣлый мѣсяць.

Я рѣшилъ—29-го іюля предпринять обратный путь на русскомъ пароходѣ „Аргонавтъ“, отправляющемся въ этотъ день въ Одессу.

Утромъ 29-го іюля я распростился съ Пантелеймоновскимъ подворьемъ, управляющій этимъ подворьемъ іеромонахъ благословилъ меня художественно написанной иконой св. Пантелеимона въ кипарисномъ кіотѣ и вручилъ мнѣ въ подарокъ альбомъ съ видами Аѳонскихъ монастырей.

Затѣмъ, въ конторѣ пароходства я взялъ билетъ, дающій право на болѣе удобный проѣздъ до Одессы, при чемъ за этотъ билетъ содрали съ меня 80 франковъ золотомъ.

Наконецъ, я на пароходѣ „Аргонавтъ“, который стоялъ на томъ-же самомъ мѣстѣ, гдѣ назадъ тому недѣлю бросилъ якорь „Олеги“. Два часа дня. Раздался третій свистокъ и мы двинулись по направленію Чернаго моря.

Обратный путь до Одессы не только не представилъ ничего интереснаго, но былъ даже скученъ. Сотоварищей

по каютъ-компаніи было у меня мало. Капитанъ ни разу не являлся къ намъ. Старшаго механика совсѣмъ не было. Сотоварищество мое составляли лишь слѣдующія лица: купеческая чета изъ г. N, замѣчательная только тѣмъ, что морская качка, слегка беспокоившая пассажировъ при выходѣ изъ пролива въ море, служила лишь къ возбужденію аппетита у этой достойной четы; и еще развѣ тѣмъ, что эти супруги умѣли великолѣпно спать: лежась отдохнуть послѣ обѣда въ 5 часовъ, они мирно покоились до 10, просыпая даже время вечерняго чаепитія (8 час.), и однако жъ они умѣли всласть спать и ночью. Третьимъ и послѣднимъ моимъ сотоварищемъ по каютъ-компаніи была одна не молодая гречанка, которую укачало около 5 часовъ вечера въ день отправленія парохода изъ Константинополя и которая всю дорогу не выходила изъ своей спальной комнаты, только по временамъ заявляя о своемъ существованіи крикомъ: „лимону, лимону, пожалуйста лимону“ (средство противъ морской болѣзни), хотя лимоновъ, кромѣ этой гречанки совершенно никому не надобилось. Каждый согласится: можно ли было чувствовать себя хорошо въ такомъ обществѣ, какимъ злая судьба наградила меня на пароходѣ „Аргонавтъ“? Въ началѣ нашего плаванія по Черному морю на ютѣ, во время прогулокъ, со мной познакомился было одинъ, получившій аттестатъ зрѣлости, одесскій гимназистъ грекъ, имѣвшій въ виду поступить для университетскаго образованія въ Москву. Сначала онъ былъ очень ко мнѣ любезенъ и даже услужливъ. Но узнавъ потомъ, что я не профессоръ Московскаго Университета (за котораго онъ ошибочно меня припималъ), а Московской Духовной Академіи, „зрѣлый“ гимназистъ сдѣлался ко мнѣ холоденъ и пересталъ обращать на меня вниманіе.

Слѣдующій день морской жизни прошелъ для меня еще болѣе монотонно, чѣмъ предыдущій. Тоска томила всѣхъ. Отъ нечего дѣлать съ утра начали говорить о томъ, что вотъ скоро (въ дѣйствительности, оказалось, совсѣмъ не скоро) увидимъ черноморскій о. Фидонисъ (или зѣбиный островъ). Самъ по себѣ онъ ничѣмъ не замѣчательенъ, но на него обращаютъ вниманіе и туристы и географы, потому что Фидонисъ единственный островъ нашего южнаго моря. Онъ представляетъ собой скалистую возвышенность,

равняющуюся четыремъ километрамъ въ окружности, и расположенъ недалеко отъ устья Дуная. Наконецъ, часовъ около двухъ показался и самый островъ. На немъ находится русскій маякъ; а при маякѣ нѣсколько моряковъ—сторожей. Доступъ къ скалисту острову очень труденъ, почему обитатели его видятъ людей только два или три раза въ году, когда моряки изъ Одессы привозятъ къ нимъ провизію и освѣдомляются объ ихъ житьѣ-бытьѣ. Маякъ хорошъ и вечеромъ видѣнъ издалека. Островъ Фидонисъ мнѣ почему-то представился чѣмъ-то въ родѣ рая, куда и попасть трудно и гдѣ не имѣется поводовъ ко грѣху. Очевидно, мысль некала нищи, но такой нищи не было.

31-го іюля въ 5 часовъ утра „Аргонавтъ“ достигъ уже Одесскаго порта и бросилъ якорь. Въ семь часовъ я былъ уже въ самомъ городѣ. Одессы я не люблю. Развѣ можно находить что-либо пріятное въ шахматной доскѣ? А Одесса съ ея прямолинейными улицами, симметрическими перекрестками и однообразіемъ зданій всегда напоминала мнѣ шахматную доску. Но на этотъ разъ я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на Одессу. Вѣдь, здѣсь начинается тотъ рай, въ которомъ мы живемъ, но которому не знаемъ цѣны—начинается Россія. Въ Одессѣ я пробылъ четыре дня, вентилируя свои легкія здѣшнимъ приморскимъ, сравнительно съ Константинопольскимъ,—чистымъ воздухомъ, укрѣпляя свои нервы, начавшіе было приходиться въ раздраженіе, морскимъ купаньемъ (которое въ Константинополѣ было очень плохо), поѣздками по окрестностямъ (правда, не замѣчательнымъ), прогулками по тѣнистому приморскому бульвару и новому парку (Александровскому), украшенному только-что поставленнымъ памятникомъ величайшему изъ русскихъ государей — Александру II-му-Освободителю.

На четвертый день моего пребыванія въ Одессѣ я услышалъ, что мой внутренній голосъ чаще и чаще сталъ требовать: „домой, домой“, — туда, гдѣ такъ много прекрасныхъ книгъ въ Академической бібліотекѣ и прекрасныхъ людей въ Академической корпораціи.

11 августа я былъ уже въ Сергіевомъ посадѣ.

А. Лебедевъ.